

ИРИНА ЕРЕМИНА

КОГДА ГЕНЕТИЧЕСКИЙ КОД НЕ СРАБАТЫВАЕТ

НОВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ
И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
ПОКОЛЕНИЙ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
АНАТОЛИЯ ИВАНОВА

Литературная критика

14 Москва № 3

Взаимоотношения поколений всегда были в центре внимания нашей классической и советской литературы. В конечном итоге, эти взаимоотношения можно свести к преемственности и определенным противоречиям поколений. Разумеется, оба эти аспекта зачастую разрабатывались в литературе параллельно, оттеняя и дополняя друг друга.

В период возросшего морально-политического единства советского народа действительность давала объективный материал для развития темы преемственности поколений, хотя и здесь, на наш взгляд, определенные различия поколений вполне имели право на художественное отображение. Возможно, что сложность и деликатность данной темы не всегда позволяли найти верные художественные решения, психологически тонко и педагогически верно расставить акценты.

Но что же такое поколения и каковы их границы? На чем основываются их взаимосвязь и известные расхождения? Эти вопросы обстоятельно осмысливаются нашей социальной наукой, хотя на них порой и нет однозначного ответа. Думается, однако, что для художника наиболее важным является социальная обусловленность духовных ценностей, моральных установок и поведения представителей тех или иных поколений, и в этой связи весьма примечательны произведения Анатолия Иванова.

В определенной степени писатель традиционен при описании взаимоотношений поколений. В критике уже отмечалась тематическая и в некоторой степени сюжетная близость его произведений творчеству М. Шолохова. Эта близость проявляется и при раскрытии взаимоотношений поколений. Вспомним у М. Шолохова линии Островнова, Фрола Рваного и их сыновей и сравним их с линиями Бородиных и Морозовых в произведениях А. Иванова; в обоих случаях следует отметить детальный анализ социально-нравственного вырождения кулачества, сходный общественно-экономический фон.

Однако есть и значительная разница. М. Шолохов глубоко проникает в крепость зажиточного донского казака — его дом со сложившимся укладом, домостроевскими традициями, определенным нравственным кодексом и т. п., сосредоточивая основное внимание на периоде гражданской войны и коллективизации. Для А. Иванова, творчески сформировавшегося в послевоенные годы, ближе оказывается более позднее время. У М. Шолохова представители эксплуататорских слоев, как правило, воспроизводят себе подобных в социальном отношении, что было отражением действительности того периода. А. Иванов обратился к более позднему этапу и другому процессу, когда генетический код, закладывавшийся из поколения в поколение в генеалогических древах эксплуататоров, был разрушен. Существенно также, что у М. Шолохова линия отцы — дети несет в определенной мере

А. Иванов. Избранные произведения в двух томах, М., «Молодая гвардия», 1974.

второстепенную нагрузку; А. Иванов зачастую выдвигает ее на передний план. Эти различия обусловлены дальнейшим развитием шолоховской тематики. А. Иванов в данном случае не только продолжает, но и творчески развивает традиции М. Шолохова. На наш взгляд, именно глубокий, бескомпромиссный анализ действительности, видение социальной обусловленности многих явлений (что так характерно для произведений М. Шолохова) дали возможность А. Иванову рассмотреть как бы изнутри сложную судьбу представителей мелкой деревенской буржуазии. Вопрос не простой и, прямо скажем, не праздный, имевший и имеющий сейчас большое практическое значение для многих стран.

Не стремясь к анализу героев, представляющих те слои трудящихся, которые выступали активными строителями социалистического общества (хотя они и показаны в произведениях А. Иванова довольно ярко и рельефно), постараемся выявить в соотношении с определенными поколениями некоторые типологические признаки мелкобуржуазных крестьянских слоев и показать их социальную трансформацию на материале романов «Повитель» и «Тени исчезают в полдень».

Представителями эксплуататорских слоев первого поколения в произведениях А. Иванова выступают чаще всего кулаки, и в этом писатель верен исторической правде. Сибирское кулачество после реформ Столыпина стало заметно набирать силу, все более подчиняя себе деревню. Петр Бородин-старший, Гордей Зеркалов, Алексей Лопатин, Филипп Меньшиков и другие представляют у А. Иванова эту специфическую категорию эксплуататоров. Что составляет основу их мировоззрения и психологии, является движущей силой всех их поступков? Неудержимая жажда накопительства, собственности. Писатель подчеркивает, что эксплуататорские тенденции кулачества стали его сущностью, приобрели необратимый характер, как это произошло, например, с Бородиным-старшим. *«Мысль «выбиться в люди», разбогатеть, стать крепким хозяином сидела в Петре, как гвоздь в бревне. Глубоко кто-то загнал этот гвоздь в дерево, по самую шляпку, приржавел он там, и уж не вытащить его никакими клещами. Шляпку сорвешь, а гвоздь все-таки останется внутри. Разве вот расколоть бревно чадвое...»*

Как известно, кулачеству как порождению капиталистических отношений в деревне были присущи все отличительные черты хищнической психологии. Вспомним приведенную К. Марксом характеристику капитала: «Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы».

Страх не может остановить Бородина-старшего перед убийством ради одного —

иметь деньги, золото, стать хозяином. И он мечтает, «как бы нащупать опять любую тропинку к богатству. Любую!» Пусть это даже будет преступление. Точно так же Меньшиковы разделяются со своими конкурентами, Лопатины сжигают лавку Бородиных — законы капиталистической конкуренции безжалостны.

Вместе с тем кулачество выступает у А. Иванова как особый вид хищника. Не только Бородин «выбился в люди» из середняков, подобный путь прошли и многие другие. Зачастую они лучше представителей других эксплуататорских групп знают психологию, образ жизни, обычаи народа, однако, как показывает писатель, используют все это в своих корыстных интересах.

В свое время некоторые критики утверждали, что Бородин-старший, как и некоторые другие отрицательные персонажи А. Иванова, тенденциозно ставится в исключительные обстоятельства, в которых с максимальной силой проявляются его худшие качества. Представляется, что более прав критик Д. Нагишкин, отметивший, что А. Иванов не пугает нас, рисуя Бородиных, не ахает и не охает над их нравственным уродством. С честной беспристрастностью он показывает то, что есть, давая понять: кажущаяся исключительность некоторых поступков закономерно обусловлена конкретным общественным укладом. После этого становится очевидной причина той озлобленности, с которой встретили Меньшиковы, Лопатины, Зеркаловы, Бородины Октябрьскую революцию.

Представители второго поколения сельской буржуазии описаны А. Ивановым, пожалуй, наиболее рельефно. Как правило, это люди, которые в силу объективных обстоятельств оказались лишенными своих эксплуататорских прав, но их мировоззрение осталось прежним. Среди них есть открытые враги Советской власти типа Терентия Зеркалова, есть и «пятая колонна» — затаившиеся, надевшие на себя личину лояльности, а то и выступающие в роли радетелей колхозной собственности люди типа Григория Бородина или Устина Морозова. Кажется, что с Терентием Зеркаловым мы уже встречались в той или иной степени на страницах многих произведений, посвященных гражданской войне. Иное дело — Григорий Бородин и Устин Морозов. В их судьбах раскрываются сложные стороны классовой борьбы, которая велась не менее ожесточенно, но скрыто, и потому не всегда находила художественное отражение.

Образы представителей бывшей мелкой сельской буржуазии вызывают не только литературоведческий интерес. Как известно, ленинский анализ психологии крестьянства учитывал, что, с одной стороны, крестьянин — труженик, а с другой — собственник. Эта двойственность в значительной степени присуща и Григорию Бородину, однако кулацкая психология, психология собственника, становится с течением времени определяющей и входит в непримиримое противоречие с жизнью, социалистической действительностью.

Ключ к пониманию будущей судьбы Бородин-среднего и даже больше — к уяснению социальной роли созданного писателем типа собственника, модифицировавшегося в советских условиях, можно обнаружить в первой же портретной характеристике Григория. Всеподавляющая жажда собственности формирует характер Григория — жестокий и по-своему сильный. Даже когда Бородин-старший, видя, как рушатся его планы стать «хозяином», приходит в уныние, Григорий ничуть не смущается: «И вообще, батя, рано опускать руки. Мы еще встанем. И возьмем свое». И сделать это можно. Нужно только время. Надо поднимать хозяйство, стать в десять, в сто раз богаче Лопатина и Зеркалова, вместе взятых. Ведь богатство — власть, сила. Так мечтал Григорий, и, как ни странно, подчеркивает писатель, эти мысли разгорались тем сильнее, чем больше доходило вестей о грозных революционных событиях. Психология собственника приходила в непримиримое противоречие с развитием жизни.

Но вскоре мировоззрение хищника приводит Григория и к конфликту с отцом. Что это? Проявление «извечных» противоречий между представителями старшего и младшего поколений, как считают некоторые буржуазные критики? Между тем З. Фрейд, которого западные социологи и психологи считают создателем теории «конфликта поколений», указывал и на социальную подоплеку противоречий между отцами и детьми в среде эксплуататоров. «Даже в нашей буржуазной семье, — писал он, — отец, стесняя самоопределение сына, сам способствует развитию зародыша вражды, скрывающегося в их отношениях». Желание Григория стать «хозяином» наталкивается вначале на глухое, а затем и открытое сопротивление отца, выступающего теперь в качестве конкурента. По существу отец для Григория превращается в соперника наподобие Лопатина или Зеркалова. Извечный для старых Локтей закон «человек человеку — волк» сработал и на сей раз.

Хотелось бы подчеркнуть в данном случае суровую правдивость писателя. В Тобольском, Иркутском и других сибирских архивах сохранилось немало документов, повествующих о преступлениях и громких судебных процессах, связанных с наследованием и разделом имущества. И писатель несколько не сгущает краски, когда Григорий грозит донести на отца за убийство цыгана, а отец в ответ готов рассказать о том, что сын выслеживал партизан.

Так и живут эти два человека — отец и сын, — боясь и ненавидя друг друга, и в то же время крепко повязанные вместе. Но не родственными узами, нет, а хищническим мировоззрением, психологией собственника. В этом смысле можно сказать, что Григорий является преемником отца и в основном идет по его пути. Однако при всем этом у Григория нет той уверенности, с которой разворачивал свое «дело» Бородин-старший. Многие он вынужден делать исподтишка, с оглядкой, опасаясь возможных последствий. Вспомним хотя бы, как

Григорий настраивал самострел, чтобы убить Ракитина, но в последнюю минуту его охватил животный страх: а вдруг «они» узнают. «Они» — это новая Советская власть, и всем своим нутром Григорий чувствует, что эта власть — против него.

Отсюда же — приспособленчество Григория. С течением времени классовые противники наподобие Григория Бородин начинают понимать необходимость перемены тактики.

« — Не дорога мне с вами, — ответил как-то Григорий Тихону Ракитину.

А теперь выходит волей-неволей дорога. Другого-то пути нет...» Вот тогда-то и начинает Григорий отрешиваться от своего прошлого, от отца: «Верно, имели работника. Да разве я был хозяин? Я за батькино хозяйство не ответчик».

Колоритный образ Григория вместили в себя слишком многое из социальной действительности нескольких десятилетий и ни в коем случае не является исключительностью. Он раскрывает позиции того довольно многочисленного и относительно зажиточного слоя кулачества, которое прямо не сотрудничало с Колчаком (хотя Григорий тайно помогал белым), но не столько из-за принципиальных соображений, сколько из опасения, а что же будет дальше. Внешне лояльные, эти люди вошли в советскую жизнь, однако в их крепких пятистенных домах было так же душно, как и прежде. Озлобленность, свирепая собака и высокий забор отгораживают Григория от людей. И люди сами сторонятся его. Сурово, но справедливо звучат слова Андрея Веселова: «Вот что, Бородин... Тебя, может, не только из колхоз — вообще на землю не надобно пускать». Сколько грязи, подлости, нечестности исчезло бы из нашей жизни, если бы не было таких, как Устин Морозов, Григорий Бородин и Денис Макшеев!

Зачем Устин Морозов подбивает Фрола Курганова увести невесту от председателя Захара Большакова, а затем пытается свести его с женой своего сына? Зачем Григорий Бородин издевается над Евдокией Веселовой? Что это — лишь проявления темных сторон человеческой души? Не только. Прежде всего это та сфера деятельности классового врага, в которой он еще сохранил свои позиции. Бесспорная заслуга Анатолия Иванова состоит в том, что он показал классовую основу проявлений многих пережитков прошлого уже в близкие нам дни.

Что же будет дальше? Следует ли ожидать каких-либо проявлений классовой борьбы в будущем со стороны бывших представителей эксплуататорских классов? Конец Устина Морозова дает определенный ответ на этот вопрос. Но особенно ярко показано духовное крушение Григория Бородина.

Писательская аллегория достаточно ясна: никакой перспективы у людей, подобных Григорию Бородину, нет. И тем не менее до самого конца он борется — упорно, настойчиво, грубо. Ибо это борьба за существование, за жизнь в том виде, как ее понимает Бородин: «Жить, говорю, хоте-

лось мне... Жить, жить... А мне мешали. Всю жизнь мешали...» Григорий сознает, кто ему мешал «жить», раскрывая это в разговоре с сыном: «Веселовы... жизнь у меня отняли, вот что... а теперь и должность...»

Однако это всего лишь попытки объяснить свой крах какими-то внешними обстоятельствами. Из жизни Григорий, как верно заметил Ракинин, убрал себя сам. С ним просто тяжело дышать одним воздухом всем людям, в том числе и сыну. «Живешь на земле временно» — в этой фразе Ракинина заключен ответ на вопрос о будущем людей типа Бородина.

И в то же время Григорий отчаянно хватается за жизнь. Нет такого темного дела, которое бы он не совершил, чтобы войти в нее. Его ненависть к Веселовым — это бессильная ненависть к Советской власти, коммунистам, человечности, которые закрыли Бородину дорогу в жизнь с черного хода. И все же он ищет этот ход, пытается проникнуть в новую действительность хотя бы через сына. «Жизнь прожита, а что нажито? Ничего. Умру — и не останется от меня следа... Петька вот только, сын... Все взяли, сволочи, все... А сына? Ну нет, сына-то уж не отдам...»

Символично, однако, что наиболее близким существом для Григория становится не сын, а злой пес. На протяжении всего романа писатель подчеркивает волчью хватку Григория, его волчьи нравы, волчью жестокость. И далеко не случайно лишь волкоподобный пес сопровождает Григория на протяжении последних лет жизни, вплоть до самого конца.

Символично, что вместе с волчьей жизнью Григория бесславно и бесполезно завершается «дело» его отца — «дело», в которое вложили свою жизнь два поколения Бородиных.

Каков же путь третьего поколения? Кажалось бы, многое говорит за то, что оно пойдет аналогичной дорогой: семейные традиции, воспитание, генеалогическая преемственность. Не зря сын Григория назван в честь деда Петром, а Устин Морозов, сообщая своему сыну о кулацком происхождении, подчеркивает: «Вот какая в тебе, подлеще, кровь течет».

Голос крови, зов предков — как часто употреблялись эти понятия самыми темными силами, что апеллировали к юным, еще не окрепшим душам! Но темп жизни стал иным, рушатся многие социальные предрассудки, и даже Григорий Бородин начинает, правда, по-своему понимать, что происхождение уже не определяет всецело социальное положение личности. «Не реви, Петруха...», — говорит он при рождении сына. — Нищие не всегда рождают нищих». В то же время его реплика «поскольку ты Бородин все-таки» показывает, что он рассчитывает видеть в сыне духовного наследника. Однако не с помощью автоматически действующего генетического кода.

«Время сейчас такое, что многие семьи надвое раскололись», — говорит Веселов. И, кажется, Григорий в данном случае согласен со своим главным противником. Во всяком случае внешне.

И все же Григорий и Устин Морозов не могут без борьбы уступить свои позиции, исчезнуть с исторической сцены бесследно. Из сыновей своих стремятся они воспитать продолжателей собственной жизненной линии: не пускают детей в клуб, к друзьям, всячески стремятся ограничить влияние школы...

«Спутанный ты...», — говорит Витька Туманов Петьке, — как лошадь. Чтoб далеко не ушла, ее путают. Да еще ботало к шее привязывают. Хозяин всегда слышит, что она рядом... Я не знаю, что там у вас с отцом, но вижу — надел он тебе путы на ноги». Может, Витька преднамеренно обостряет ситуацию, может, просто не видит ее сущности: Григорию так и не удалось опутать Петра.

Федор Морозов по складу характера отличается от Петра. Если Григорий не может заставить сына смотреть ему в глаза, то Устин не в состоянии переносить пристального взгляда сына. «Отвототи глаза!» — кричит он, чувствуя во взгляде Федора ту же усмешку, которую так боялся увидеть Григорий у Петра. Вряд ли это механическое повторение писателем характерной детали — стандартизация психологии героев. Скорее это типичная черта, которая довольно точно характеризует отношение детей к тому прошлому, которое олицетворяют Григорий и Устин: презрение, безбоязненный вызов и вера — большая вера в человека, его глубоко гуманистическую сущность.

Устин не может понять, как это Федька, сморчок, заявляет, что выпороть его — это несправедливо. Ему, здоровому, уверенному в своей силе мужику, смешно слышать эти слова. Стоит ему сейчас протянуть руку, схватить сына за шиворот...

Что дает силы этим мальчишкам стать личностью, выступить против освященного веками отцовского деспотизма, тем более в сибирской деревне с ее суровыми традициями? Писатель смог убедительно ответить на этот вопрос: новая жизнь. И ответить ненавязчиво и просто.

Новые порядки, новые люди определяют теперь жизнь в Локтях и Зеленом Доле. Как говорит Евдокия Веселова, «сейчас само время выправляет людей». И если верно, что порой от кривого дерева вырастают прямые сучья, то теперь это верно вдвойне. В нравственном становлении Петра и Федора нет ничего исключительного, если принять во внимание, что рядом с ними стояли такие люди, как Захар Большаков, Андрей и Евдокия Веселовы, Тихон Ракинин — старшие товарищи, коммунисты. Стал комсомольцем Витька Туманов. Это его слова «перепахать жизнь», «разрубить узел» заставляют задуматься Петра.

Кулацкое чутье не обмануло Григория: да, это Веселовы, Большаковы, Ракинины перешли дорогу таким, как он, лишив их настоящего и будущего. Родным для Федора оказывается не отец, а командир партизанского отряда, а для Петра — Веселовы и Ракинин. И как тридцать лет назад Дуняша кричала Григорию «Не подходи!», так же теперь кричит ему собственный сын.

Точнее, это уже не сын. Слишком глубокая пропасть пролегла между ними.

Полная глубокого драматизма сцена гибели Федора от руки отца подводит итог окончательному и бесповоротному разрыву новой жизни с прошлым. Примирения быть не может, ибо перед нами — враги. Писатель художественными средствами оттеняет бескомпромиссность классовой схватки.

«— Дрался я за свое,— говорит в последних словах Федор Устину,— я за Зеленый Дол наш дрался и убивал, за нашу Светлиху, за Марьин утес, за Озерки, за Москву, за всю страну, за весь народ. А ты за что? За что, я спрашиваю?»

— И я за свое. («На Волге крестьянствовали мы, большую хлебную торговлю вели».— И. Е.)

— Да что у гниды своего-то?!»

Это два мировоззрения, между которыми не может быть компромисса.

Итак, три поколения со своими характерными социальными, идейными, нравственными и психологическими особенностями, запечатленные в художественных образах. Приемы образного мышления, творческая лаборатория писателя еще требуют дальнейшего изучения. Потому, не ставя целью

всесторонний анализ художественного своеобразия Анатолия Иванова, обратим внимание на весьма примечательный факт: рассматривать все его произведения невозможно без обращения к сложным социальным категориям.

В свое время М. Горький призывал писателей стать исследователями жизни, и в этом плане творчество Анатолия Иванова носит исследовательский характер. Оно интересно не только в чисто беллетристическом смысле, но также в экономическом, историческом, социальном. В данном случае социолог и историк найдут в нем достоверную картину сложных социальных коллизий, изображение конкретных общественных групп на протяжении ряда поколений, динамику изменения их духовных ценностей и жизненных ориентиров.

Но дело, конечно, не только в специализациях. Творчество А. Иванова художественно освещает самому широкому читателю многие события общественной жизни. И прежде всего помогает глубже осмыслить завершившийся процесс формирования новой исторической общности — советского народа,